

ДРАМЫ И КОМЕДИИ АНАТОЛИЯ СОФРОНОВА

Юр. ЗУБКОВ

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ — стихотворец и песенник, драматург и публицист.

Однако при всей этой творческой разносторонности драматургия, пожалуй, является основной его любовью. В ней, как мне кажется, талант Софронова раскрывается наиболее полно, и он предстает перед нами не только как бытописатель, исследователь человеческих характеров, нравственных и социальных конфликтов и коллизий, но и как песенник, лирик, публицист. Именно о нем, о Софронове-драматурге, о его пьесах я и буду говорить. И потому еще хочу я сказать об этом сейчас, что один из самых репертуарных драматургов в недавнем прошлом, Софронов в последнее время стал почему-то не таким уж частым гостем на сценических подмостках. А жаль!

Немало пишется за последнее время о демократическом характере нашего искусства. Это действительно одна из коренных его черт. Важно только установить, с чем, с какими явлениями и тенденциями связывает тот или иной пишущий это понятие — демократизм искусства. Если с противопоставлением обыкновенного, рядового человека, человека самой нашей повседневности, обществу, что в иных произведениях все еще имеет место, то какой же это демократизм? Повседневность наша — социалистическая. Так что противопоставление подобное — не более чем выдумка незрелого ума, угодная, кстати, нашим зарубежным недругам. Далеки от подлинного демократизма, демократизма социалистического, и попытки отдельных литераторов превратить в страдальца, выдать за героя нашего времени ущербного скептика, уныло плетущегося по обочине жизни и брюзжащего на все и вся в нашем социалистическом мире.

Проявление подобного «демократизма» в творчестве Анатолия Софронова мы не найдем. Его драмы и комедии глубоко демократичны по самой своей сути, ибо их главными героями являются наша действительность, люди этой действительности, разумом своим и своими руками перестраивающие мир.

Народная жизнь в ее будничном течении, с ее подъемами и спадами, успехами и бедами, жизнь нелегкая, полная испытаний и трудностей, но всегда радостная, потому что это наша собственная жизнь, и ее мы никому не отдадим, и другой нам не надо, — это одновременно и фон, и само содержание всей драматургии Софронова.

Да, любая его пьеса — сколок с народной действительности. Иногда — с проявлений ее важных, существенных. Иногда — с частных, второстепенных. Но сколок — не значит фотография. Софронов предстает в своих пьесах художником, которому знакомы и густота живописи маслом, и нежная, словно прозрачная, акварель. Это — драматург, поднимающийся до значительных нравственных, социальных, философских обобщений.

Возможно, мне возразят: не всегда и не во всех пьесах. Не стану спорить. Но кто из художников не знает наряды с удачами и неудачи? Лицо же художника, как правило, определяется не его слабостями, а тем, что составляет его силу, его своеобразие.

Вот два примера. Драма «Деньги». Комедия «Судьба-индейка». Действие в той, и другой пьесе происходит в современной деревне. Герои драмы — члены рыболовецкого колхоза. Герои комедии — люди крупного птицеводческо-

го совхоза. Действие драмы сосредоточено вокруг поимки браконьеров. Действие комедии — вокруг несостоявшегося замужества знатного бригадира птичника. Однако можно ли, правомерно ли сводить идею, как это делали некоторые критики, первой пьесы к нехитрой морали: браконьерство — зло, а идею второй определять так: негоже женщине в возрасте стремиться замуж за молодого? Не означает ли подобная трактовка содержания и идейного смысла этих пьес их обеднения и опошления?

Впрочем, в этом отношении «не везет» в критике иногда даже и некоторым классикам. Не так давно журнал «Театр» оповестил читателей, что в комедии «Не в свои сани не садись» А. Н. Островский утверждает якобы «славянофильскую идею»: «покорность младших старшим, полное подчинение детей воле отцов». Чем же тогда объясняется потрясающий успех этой пьесы на премьере, ее более чем вековая жизнь на сцене, то патристическое воздействие на советских воинов, которое оказывала она в исполнении вахтанговцев в годы всенародной битвы с фашизмом?

Но это к слову. Что же касается содержания и идей пьес «Деньги» и «Судьба-индейка», то и здесь, видимо, каждый судит в меру своего понимания и разума. И если некоторые критики свели их содержание к примитивной моральке, то это свидетельствует, как мне кажется, лишь о просчете в их суждениях.

О власти денег над человеком, власти, способной истребить в человеке человеческое, о силе любви, возвышающей человека и возвращающей его к жизни, говорит драма Софронова. О человеческом достоинстве и мужестве, о способности человека стать выше себя, выше, казалось бы, извечных людских чувств — ревности, зависти, эгоизма, — о молодой бестрепетной любви — комедия «Судьба-индейка».

В том-то и главная черта, сила софроновской драматургии, что она щедро населена народными характерами. Характерами людей земных во всех своих проявлениях. Людей, которым знакомы все человеческие чувства. Только люди, рожденные новой действительностью, сами, по сути своей, люди новые. И не дают они одолеть себя, разум свой и сердце свое стихии злобы, стихии темных начал, доставшихся нам в наследство от старого мира. Люди эти, как говорит героиня трилогии о «Стряпухе» Павлима Казанец, люди «гордой любви», чистых, гордых чувств.

Герои софроновских пьес весьма и весьма типичны. Это — колхозницы Екатерина Топилина и Елизавета Новохижиной («Сердце не прощает»), рабочие Иван Иванов и Василий Сеницын («Обручальное кольцо»), архитекторы Виталий Карташов и Евгений Бабкин («Миллион за улыбку»), пенсионеры Сергей Петухов и Василий Холстомеров («Последние соловьи»)... Но и тогда, когда писатель выводит на сцену людей, занимающих более высокое служебное, общественное положение (секретарь обкома партии Крымов из «Человека в отставке», генерал Тепляшин из драмы «Берегите живых сыновей»), то и это — люди, прошедшие со страной весь ее сложный и трудный путь. Они плоть от плоти, кость от кости своего народа, живут его думами и заботами, чаяниями и стремлениями. Высокое положение досталось им не по наследству и не в силу каких-либо карьеристских ухищрений.

О человеке из народа Анатолий Софронов пишет с необыкновенной сердечностью, поэтично, возвышенно. Особенно о женщине. Признание и сла-

ва пришли к Юлии Борисовой не только с Валькой из арбузовской «Иркутской истории», но и с Павлиной Казанец из софроновских «Стряпухи» и «Стряпухи замужем». По крайней мере, в десятке театров видел я «Судьбу-индейку», и каждая актриса по-своему, на свой лад воплощала характер Ангелины Куманец. Характер властный, взбалмошный, переменчивый. Но без исключения у каждой это был характер значительный, интересный, крупный. А если говорить о персонажах, подвергающихся явному авторскому осуждению, то разве не относится Прасковья Шарабай из «Денег» к числу лучших творческих созданий последних лет жизни Веры Николаевны Пашенной?..

И что характерно — раскрывает Софронов своих героев в драматическом плане или в комедийном,



А. В. СОФРОНОВ.

они одинаково интересны, в равной степени привлекают наше внимание. Вернее, план драматический и план комедийный слиты в софроновском творчестве воедино.

Возьмем для примера Павлину Казанец из «Стряпухи» — драматический это персонаж или комедийный? Ведь и не ответишь. Обхохочешься над ее суровым обращением со Степаном, вздумавшим было взять ее штурмом, над ее сценами с Галиной Сахо, приревновавшей к Павлине своего суженого Серафима Чайку. Но свозь смех выступают слезы на глазах, когда Павлина, дошедшая в своих чувствах до последней точки кипения, ставит Степана на колени, становится на колени сама и страстно, жарко говорит ему о любви... Это — в комедии. А в драме? Яркой комедийностью насыщены разговоры Екатерины Топилиной с Елизаветой Новохижиной в «Сердце не прощает», объяснение председателя колхоза Татарникова с инспектором по охране рыбных запасов Беркутом в «Деньгах»...

Возвращаясь к вопросу о демократизме нашего искусства, хочу подчеркнуть, что многие софроновские образы являются значительными художественными открытиями, отмечены печатью свежести и неожиданности. В самом деле, какая необходима художественная зоркость, влюбленность в нашу социалистическую новь, в советского человека, чтобы разглядеть в обыкновенной, самой что ни на есть обычной стряпухе возвышенный образ мыслей и чувств, натуру глубокую и гордую, поэтичную и страстную! И разве не художественное открытие — характер Екатерины Топилиной с ее необычайной цельностью натуры, в высшей степени развитым чувством долга, чувством ответственности перед семьей, почти аскетической сдержанностью, сочетающейся со способностью к эмоциональным взрывам, сильнейшим нравственным потрясениям?..

Творчество Софронова пронизано духом оптимизма, неувереннейшего утверждения нашей современной советской действительности. Это вовсе не означает бездумности, лакировки, бесконфликтности. Нет, первой же своей пьесой «В одном городе» писатель заявил о себе как о художнике, ставящем острые, актуальные проблемы времени. И в каждой из своих пьес стремится он говорить о явлениях важных, о проблемах, от разрешения которых зависит счастье людей, их буду-

Финалы софроновских пьес, как правило, благополучны — торжествует правда, добро, справедливость... Но что это значит — благополучный финал? Разве не исполнен драматизма для Ангелины Куманец финал комедии «Судьба-индейка»? Подолом наказана Ангелина — любовь хотела приказом приюности, не спросив сердца друга. И увела у нее жениха Лиза. И хоть нашла в себе Ангелина силы превозмочь боль (да еще и отрез, который себе к свадьбе приготовила, Лизе подарила), — горько ей, больно, обидно. Но и Ангелине не просто жених или муж нужен. Нужен любимый. А Гавриил Селезень, подарками и любезностями ее осыпавший, хотя и самых серьезных намерений человек, ей ни к чему... Так на этой щемящей, раздумчивой ноте и заканчивается пьеса, и мы, покидая театр, не только уносим заряд бодрости, веселья, но и частичку грусти, горечи Ангелины... И ведь Прасковья Шарабай из «Денег», сложенная, посрамленная, напротив, разбитая со своей жизненной философией, — человек не ничемный, не пустячный. Это — характер крупный. Как-то сложится ее судьба дальше, поймет ли она смысл происшедшего или еще глубже уйдет в трясину корысти, эгоизма, безверия?.. Так что благополучный финал — это понятие относительное. Благополучный лишь в смысле того, что нравственное начало торжествует над безнравственным, что люди уходят из театра с думами и чувствами светлыми и чистыми. Но такова уж основная тенденция развития нашей действительности. Основная тенденция развития нашего искусства.

В народности, в слитности писателя с судьбой народа, его болями, печалью, радостями я вижу природу, если так можно сказать, зерно таланта Софронова. Недаром, рожденные на крутых поворотах истории общества, стали подлинно народными лучшие софроновские песни «Шумел сурово брянский лес...», «Не колокольчик под дугой», «Краснотал», «Замела метель дороги...» и многие другие.

На первый взгляд, необычна, а на самом деле характерна, типична для творчества Софронова и его последняя пьеса «Лабиринт». Драматическая повесть о людях, чьи судьбы так или иначе связаны с судьбой сражающегося за свою свободу и независимость Вьетнама. О людях, чьи судьбы перекрещиваются между собой, — советского рабочего Тимофея Хохлова, его детей Николая и Наташи, американца Роберта, вьетнамцев Тьена и Миня, обучавшихся в Москве. Частные судьбы. Привычный быт. Семейный уклад. Но так уж случилось — судьба Вьетнама вошла в жизнь героев пьесы. Тема интернациональная, тема героическая решается писателем по-своему, через быт, через лирические чувства, через личные судьбы людей.

Некоторые театральные критики пишут о недостатках, имеющихся в пьесах А. Софронова. Что ж, наверное, недостатка в них есть. Но есть и то, что пленяет, покоряет зрителя — и это главное. О недостатках же надо говорить с присущей нашей критике позиции доброжелательства, а не предвзятости, не так, например, как В. Кардин в своей книге «Достоинство искусства».

Если где-то драматург не находит художественных решений, наиболее точных и сильных, следует сказать ему об этом не зашугавшись, а откровенно, напоминая о том, что сам его талант и опыт, имя его обязывают к высокой мере требовательности к самому себе.

В. Кардин в подобном необъективном отношении к А. Софронову, к его творчеству — увы! — не одинок. И именно это, именно чувство справедливости, интересы театра побудили меня взяться за перо не для полемики, а с задачей подчеркнуть, в чем же своеобразие драматургии А. Софронова.

"Известия" 7 февр. 1968г.